
Н. В. ХАЗИЕВА

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ЭЛЕМЕНТЫ ИХ ИСТИННОСТИ

Нам необходимо с самого начала уточнить одну позицию. Если рассматривать модель как средство метода моделирования, то речь о моделировании власти может идти только в теоретическом (гносеологическом) плане. Конечно, можно говорить о советской, шведской, американской, китайской, германской и других «моделях социализма». Но в точном смысле это не модели, а конкретно-исторические варианты реализации теоретических моделей социализма, ранее содержащиеся в учениях утопистов, просветителей, социал-демократов, социал-националистов, марксистов и т. д. В нашем тексте речь пойдет именно о теоретических концептах власти. Законченные, как считают авторы этих концепций, теоретические системы власти, которые должны быть наиболее оптимальными для осуществления справедливости в обществе, которое сможет обеспечить своим гражданам достойную людей жизнь, мы будем называть «моделями власти». И понятно, почему нас интересует их истинность: эта категория в науке, философии, да и в искусстве обозначает соответствие придуманного в уме тому, что есть в действительности. Чтобы была возможность отличать надуманное, пусть даже с самыми благими намерениями, от того, что можно реализовать в действительности, нам необходимо знать, истинны или ложны эти модели власти. Для установления истинности необходимы критерии ее определения. И опять-таки не выдуманные благими намерениями фантазии, а взятые из действительной практики общественной жизни.

Существует несколько концепций (теоретических моделей) политической жизни:

1. **Теологическая**, где политическая жизнь трактуется как проявление божественной воли. Наиболее ярко выражено представле-

Философия и общество, № 3, июль – сентябрь 2007 135–151

ние об истинной власти именно в такой модели. Соответствие политической жизни в целом и ее отдельных элементов (например, власти) божественному промыслу означает их истинность (Августин, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев).

Долгие дискуссии, переходившие порой из области теории в кровопролитную практику выяснения отношений, были связаны прежде всего с характером взаимоотношений светской власти и церкви. Крайний клерикализм всегда требовал полного подчинения светской власти церковной. Борьба католических пап со светскими правителями занимает не одну страницу средневековой истории. Вопрос о том, как бог санкционирует власть – непосредственно или через священников, – остается острым и сегодня. Определение соответствия решений ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной, военной, информационной) догматам веры – процедура идеологическая. Политика решает реальные задачи данного исторического времени и конкретного правителя, а не является иллюстрацией догматов веры. Трактовка той или иной политической действительности как соответствующей или не соответствующей божественным законам зависит от экономических, политических, религиозных, национальных и других интересов идеологов той или иной социальной группы, слоев, классов. Одно и то же решение властей может быть интерпретировано и как соответствие божественной воле, и как противное ей¹. Если считать, что есть бог и его воля, то истинность политической жизни не зависит от ее трактовок. Она объективна, считает Ансельм Кентерберийский. Он пишет: «Истина есть в сущности (*in essentia*) всего существующего, ибо (все существующие вещи) суть то, что они суть в высшей истине» (то есть в боге. – *Н. Х.*). А идеологические интерпретации – это форма познавательной истины. Если истинные решения власти отражаются в идеологии и трактуются как истинные, значит, знания соответствуют действительности, то есть, в терминах Ансельма Кентерберийского, «высказывания (*enuntiationis*)» истинны. Если истинная политика выдается за богопротивное, «не должное», то есть не правильное², то перед нами гносеологическая ложь. И

¹ См.: Ансельм Кентерберийский. Об истине / Ансельм Кентерберийский // Соч. – М., 1995.

² См.: Франк, С. Л. Реальность и человек. – М., 1997; Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995.

наоборот, когда ложная (богопротивная, «не должная») политика отражена в сознании (идеологии) как ложь, то это истина высказывания; а если как истина, то мы имеем ложь высказывания.

Если истинна атеистическая позиция и никакой объективной божественной воли нет, то проблема истинности политической жизни приобретает иной, более сложный характер. Те законы, которые трактуются как божественные, на самом деле есть общечеловеческие ценности, интерпретируемые как сверхъестественные. Тогда «божественная форма» общечеловеческих норм сама является гносеологической ложью, то есть знание не соответствует действительности. Но политика, которая соответствует общечеловеческим нормам, будет истинной. То есть политическая жизнь соответствует не ложному знанию, а его содержанию, самому по себе истинному, поэтому политическая жизнь будет истинной. Религия иллюзорно отражает действительность. Но политическая жизнь в данном случае соответствует не религиозным представлениям о действительности, а самой действительности. Здесь та схема определения истинности, о которой говорил Я. П. Козельский: «Истина натуральная есть та, когда какая вещь имеет в себе все то, что к существу ее требуется. Например, ежели золото имеет в себе все то, что к существу его требуется, то оно называется истинное золото... Во всех случаях противное истине есть ложь»³.

Известное положение марксизма о том, что идеология есть ложное сознание, имеет несколько толкований. Во-первых, идеология определенного класса всегда связана с его интересами. А интересы и цели одного класса всегда меньше, чем интересы и цели всего общества в целом. Поэтому классовая идеология, как писал Л. Д. Троцкий в статье «Их мораль и наша», всегда стремится выдать свои узко классовые потребности и интересы за общегосударственные. И в этом аспекте классовая политика и классовая идеология всегда находятся в определенном расхождении с общенациональными. И в этом смысле классовая идеология является относительно истинной, то есть содержит в себе всегда долю неистинности. Во-вторых, классовая идеология может быть направлена на фальсификацию политических действий, решений,

³ Козельский, Я. П. *Философия // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.* – М., 1952. – С. 440.

лозунгов своих оппонентов. Здесь возможны варианты гносеологической ложности (ложь высказывания), когда позицию, соответствующую интересам общества, в этом смысле истинную, стремятся представить как ложную.

2. Интересна и оригинальна **модель политической жизни общества, разработанная в русской философии** (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев), которая корнями восходит к идее общинного характера русского человека⁴. В этой концепции соборность рассматривается как принцип устройства общественной, в частности политической, жизни. Если схематично изложить основное содержание принципа соборности, оно сводится к следующим положениям:

а) в обществе существует два типа упорядоченности. Первый тип представляет собой естественное и равномерное формирование и устройство общественной жизни. Второй тип представляет собой воплощение в общественную (политическую, в частности) жизнь некоего умозрительного принципа, то есть какой-либо теории, предварительно разработанной кем-то. При этом признается, что первый тип организации общества обладает целым рядом преимуществ над вторым. При таких акцентах возникают тоже два варианта истинности политической жизни. В первом случае истинность определяется через соответствие общественной (или политической) жизни естественно-историческому порядку (то ли объективному закону, то ли божественному промыслу, то есть «как должно»). Во втором случае истинность определяется через соответствие политической жизни той идее, по которой она организована и осуществляется. Здесь просматривается знакомая мысль Фомы Аквинского о том, что истинна та созданная человеком вещь, которая соответствует тому знанию (цели-образу, плану, идее) в голове человека, по которому она сделана. «Истина состоит в том, чтобы вещь соответствовала интеллекту; так, о ремесленнике говорят, что он сделал истинную вещь, когда она отвечает правилам ремесла»⁵. Что интересно, если такой подход применяется, как у Аквинского, к необщественным предметам и событиям, то перед нами форму-

⁴ См.: Франк, С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье. – Л., 1991.

⁵ Антология мировой философии. – М., 1969. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 837.

лировка, которую без всяких уточнений может принять и материализм. Если же речь идет о такой схеме истинности социальных явлений, то это явный субъективизм, который утверждает (явно или скрытно), что ходом истории управляет сознание великих личностей.

Скрытно при этом присутствует мысль об объективных и субъективных детерминантах политической жизни. Проще говоря, здесь неявно представлены возможности как материалистической трактовки основ общественной жизни, так и субъективно-идеалистической;

б) антииндивидуализм как единственно возможное и естественное основание общественной и политической жизни. Соборность предполагает индивидов, без них не было бы и соборности. Но подчеркивается, что жизнь каждого индивида обязательно и неразрывно связана с жизнью общества (коллектива) в целом. Такой «роевой» характер бытия индивидов легко уподобить колониям муравьев или термитов, рою пчел, косякам рыб. Если рассматривать эту точку зрения применительно к нашей теме, то способ определения истинности политической (к слову сказать, и любой другой части общественной) жизни представлен четко и ясно. Истинна та политическая жизнь, которая соответствует соборности, принципу соборности в целом и в частностях. Соборность и есть та сущность, через соответствие которой определяется истинность или неистинность любого общественного явления;

в) в третьей группе концепций настойчиво проводится мысль о неразрывности нравственной и политической жизни, морали и политики. В этом пункте сторонники соборности политической жизни категорически отвергают возможность объяснения политической жизни потребностями и интересами различных людей, групп и классов. Истинной оказывается та политическая жизнь, которая соответствует нравственным нормам. При этом создается впечатление, что сторонники этой теории (С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и др.), хотя и говорят о православной нравственности, по существу – об общечеловеческой нравственности, к которой они сводят православную;

г) наиболее примечательной чертой идеи соборности является ее антиномичность (парадоксальность) – сочетание противоречи-

вых характеристик: свободы и подчинения, равенства и различия, братства и принудительной организации общественных отношений, религиозных и светских компонентов. Эта теоретическая модель стоит в ряду великих утопий справедливого общества, где все люди были бы счастливы. Но утопия соборного общества и политической жизни имеет некоторые позитивные особенности, выделяющие ее из общего ряда. Во-первых, она конкретно-исторична, то есть привязана к конкретному народу и государству – России, основана на реально существующих традициях, наличных реалиях. Во-вторых, в этой модели нет жесткого требования скорейшего принудительного внедрения в практику. В этом плане она близка к идее естественно-исторического постепенного развития и формирования соборных характеристик. В-третьих, идея соборности менее односторонняя, чем другие утопии. Она пытается преодолеть разрыв морали и политики, а также односторонние трактовки общественного неравенства, свободы и принуждения.

Определение истинности соборной политической жизни, если бы она была реализована в действительности, включало бы в себя учет всех этих моментов и представляло бы достаточно сложную гносеологическую систему⁶.

3. Натуралистическая модель политической жизни в качестве основ и причин тех или иных действий и решений принимает географическую среду, климат, погодные условия и тому подобное. В этой модели тема истинности политической жизни оказывается вынесенной на периферию, производной и не особенно важной. Северный климат объясняет суровость власти, скажем, викингов. И истинный представитель Скандинавии должен в определенной ситуации поступать в соответствии с этими стандартами, отличными от стандартов, например, южных и восточных народов. Тогда (объективно «как должно») он будет истинным викингом или современным скандинавом. Но эта истинность не так важна для оценки результатов деятельности или решения скандинавского правителя, прошлого или современного. Дело в другом – действительно ли эти стандарты соответствуют природным особенностям территории проживания, есть ли это «натуралистическая» детерминация.

⁶ См.: Горбунов, В. В. Идея соборности в русской религиозной философии. – М., 1994.

На наш взгляд, нормы властных отношений, действий, решений и т. д. зависят не столько от природных условий, сколько от социальных. Истинность властных действий правителя, пусть того же скандинавского, нужно определять через соответствие не природе, а обществу, его потребностям, интересам, целям и задачам.

Эта модель политической жизни (уподобление природным процессам) позволяет понять, во-первых, наличие в политической жизни объективных моментов. Процессы, происходящие в области политики, имеют объективный характер, однако отличаются от природных тем, что реализуются обязательно через деятельность людей. Во-вторых, в политической жизни реализуются также многие принципы и законы, аналогичные природным. Например, принцип целесообразности, причинности, развития, восхождения от простого к сложному, структурности, системности и т. д. Натуралистический подход подвергается критике не за это, а за то, что общественная жизнь, и в частности политическая, однозначно и прямо (вульгарно-грубо) отождествляется с природной. Происходящие в природе события ставятся в прямую связь с политическими. Плохая погода и насморк, видимо, влияли в какой-то степени на настроение и мышление Наполеона. Но нельзя результат Бородинского сражения всерьез свести к этим событиям. При определении истинности политической жизни, разумеется, необходимо учитывать и внешние факторы, условия и обстоятельства. Этого требует принцип «конкретности истины». Но условия конкретности нельзя смешивать с детерминантами, причинами, сущностными характеристиками. Географические, климатические и другие природные явления не могут быть причинами каких-то политических событий. Например, изменение срока какого-то политического события может быть причинно обусловлено, скажем, бурей, землетрясением, пожаром. Но само политическое событие не вытекает причинно из этих стихийных бедствий. Они, природные события, могут сыграть роль детонатора, ускоряющего фактора какого-либо элемента политической жизни, но не могут быть их прямой причиной. Неурожай из-за засухи и последовавший за этим голод могут послужить основой народного возмущения, бунта против правительства. Но причина опять-таки не в неурожае, не в голоде, а, мягко говоря, в плохой, непрофессиональной работе правительства,

которое должно было позаботиться о стратегических резервах, запасах или принять какие-то другие меры по спасению жизни граждан, по гарантии их естественных прав на жизнь, здоровье, труд, пропитание.

4. Биополитическую модель политической жизни можно рассматривать как частный случай натуралистической модели. И поэтому многое из сказанного выше относится и к этому варианту. Биополитика обращает внимание на сходство свойств, функций, процессов политической жизни и зоологического существования. Если определить предельно схематично – обращает внимание на общее для человека и животных, на общее в их поведении: приспособляемость, самозащиту, агрессию и элементы альтруизма. Человек по своей биологии, разумеется, представитель животного царства. Но есть одно существенное и принципиальное отличие – наличие разумной души. Ничто, на наш взгляд, в человеке не осуществляется минуя связь с этой разумно-духовной жизнью. Будь то уподобление политической жизни биологическому организму, как, например, у Спенсера, или другие формы социодарвинизма – суть ошибки везде одна: принципы, законы и категории политической (шире – социальной) жизни не редуцируются полностью к зоологическим. Общественная жизнь, в том числе и политическая, рангом выше в иерархии мироздания. И, как более высокий уровень, политическая жизнь не исчерпывается лишь биологическими (зоологическими) составляющими. Ни субстратно, ни функционально, ни по цели, ни по причинам, ни по каким-либо другим основаниям политическая жизнь не сводится полностью к биологической. Это в объективном плане. В гносеологическом – та же картина. Невозможно понять и объяснить политическую жизнь в рамках биологических методологий, методов, способов, средств, знаний и законов. Истинность политической жизни не может быть определена через соответствие политической жизни наличным в ней зоологическим основаниям. Истинность явления более высокого порядка не может определяться через соответствие явлению более низкого порядка. Сказанное не относится к генетическому определению, когда истинность последующих (а тем самым, может быть, и более развитых, высших) ступеней развития определяется через соответствие

предыдущим ступеням, более ранним, а тем самым, может быть, и более простым. В данном рассмотрении простое и сложное находятся на одном горизонтальном уровне, тогда как зоологическое и политическое находятся на разных вертикальных плоскостях. Такой «разноэтажный» подход допустим, когда речь идет, например, об общей эволюции материального мира. Здесь вертикальное восхождение и представляет единую плоскость предмета исследования. Истинность политической жизни должна быть определена через соответствие ее социальным основаниям, детерминантам, функциям, целям и т. д. Зоологические явления должны восприниматься, трактоваться, познаваться как зоологические, а политические – как политические, социальные. Тогда это будут гносеологические истины, то есть знания, соответствующие действительности, «истины высказывания».

5. Психологическая модель политической жизни основана на объяснении политической жизни психологическими особенностями отдельных людей: правителей, полководцев, мудрецов, жрецов или интриганов типа Ришелье. Определение истинности политической жизни через особенности психических свойств отдельных людей или даже группы людей ошибочно не потому, что они разноразличные, как в предыдущем варианте. Хотя можно обратить внимание и на это. Только что считать более высоким на вертикали эволюции – социальную (политическую) реальность или психическую? На наш взгляд, ошибка здесь в другом. Истинность политической жизни нельзя определять через соответствие политических событий психическим факторам потому, что здесь нарушен принцип соответствия целого частям. Если мы будем определять истинность политической жизни через соответствие духовному, даже в эту жизнь входящему, мы будем определять истину целого через его соответствие одной из его же частей. Определение истинности целого через соответствие одной из его частей методологически неверно. Это то же, что достоинства всего человека определять через красоту его глаз или белизну его зубов. В определение истинности политической жизни, конечно же, будут входить и духовные компоненты, ибо она включает в себя обязательно и чувства, и мысли участвующих в этой жизни людей. Но психологические элементы политической жизни не могут быть исчерпывающим ос-

нованием определения ее истинности даже в том смысле и по той схеме, которую мы видели у Фомы Аквинского: вещь истинна, если соответствует нормам ремесла. Ложность политической жизни не в том, что она не соответствует чьим-то правильным (истинным) взглядам и идеям на общественную жизнь или, наоборот, соответствует чьим-то неправильным (неистинным) идеям, а в том, осуществляется она «как должно» объективно или нет. Здесь нам ближе «материалистически прочитываемый» Гегель, который пишет: «Когда в философском обсуждении говорится о неистинном, то это не должно понимать так, что того неистинного не существует. Дурное государство или больное тело могут все же существовать; но эти предметы не истинны, ибо их понятие и их реальность не соответствуют друг другу»⁷. Понятие реальности у Гегеля есть объективное основание этой реальности. В материализме это ближе к тому, что называют «объективными законами действительности». Если прочитать материалистически Гегеля, мы имеем утверждение, что «та реальность истинна, которая соответствует своим объективным законам генезиса и функционирования». Применительно к нашей теме истинна та политическая жизнь, которая соответствует объективным законам развития социума («что и как должно»), а не психологическим особенностям отдельных людей или социальных групп. Психологический комплекс субъекта или субъектов политической жизни можно принять как составляющий элемент определения истинности политической жизни лишь в том смысле, который придает этому В. С. Соловьев, когда пишет: «Субъект в своей истине, то есть как нечто истинно существующее, заключает в себе как неразрывно связанные и реальный элемент “многое”, выражающееся здесь, в субъективной жизни, множественностью ощущений, и элемент рациональный, единство мыслящего разума; и притом так как в истине, всеединстве, каждый неразрывно связан со всеми, то и субъект наш в своем истинном бытии не противопоставляется всему, а существует и познает себя в неразрывной, внутренней связи со всем, познает себя во всем, а чрез то и тем самым и все в себе. Реальный элемент в нем, его ощущения являются тогда лишь органическою частью всеобщей

⁷ Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1974. – Т. 1. – С. 301.

реальности, и его разум – лишь выражением всеобщего смысла вещей (логоса всего сущего, вселенского логоса)»⁸.

б. Юридическая модель политической жизни объясняется правовыми нормами, существующими в данном конкретно-историческом обществе.

Определение истинности политической жизни только через соответствие ее юридической жизни общества, на наш взгляд, тоже будет ошибочным, хотя они обе находятся на одной социальной плоскости (в марксизме они, право и политика, считаются формами общественного сознания). Ошибка в том, что истинность (объективно «как должно») политической жизни определяется через однопорядковое, но качественно другое социальное явление. Истинность не может исчерпывающе определяться через соответствие внешним по отношению к объекту (истинность которого определяется) явлениям, событиям, процессам, предметам. В этом смысле истинность – это соответствие вещи самой себе («все существующее существует поистине, потому что оно есть не иное, чем то, что в ней»⁹). Способность быть самим собой в возможности присутствует во всем, что есть в действительности. Но в какой степени она будет реализована, зависит от множества причин, условий и факторов. Иллюстративен пример с человеком, который может всю свою жизнь прожить, выполняя в обществе, в коллективе, в семье роли, которые не соответствуют его собственным задаткам, способностям, желаниям и настроениям. Истинность такого человека, если даже она была, осталась нереализованной. Можно подробнее пояснить этот пример. Согласно марксизму, сущность человека есть совокупность общественных отношений. Если сущность сложилась в основном в дружной, счастливой, гуманной семье, а жить приходится в среде, где нужно быть изворотливым, беспринципным приспособленцем, человек, ожидая часа, когда он сможет быть самим собой, может так и не дожидаться такого момента. Встреча с самим собой, таким, каким человек является по своей истинности,

⁸ Соловьев, В. С. Соч.: в 2 т. – Т. 1. М., 1988. – С. 693.

⁹ Ансельм Кентерберийский. Об истине / Ансельм Кентерберийский // Соч. – М., 1995. – С. 178. Эта мысль достаточно просто прочитывается материалистически: «существование вещи есть проявление ее сущности».

то есть в соответствии своей сущности тому, что «в нем», тому, «что и как должно», – самое трудное в этой жизни.

Политическая жизнь тоже может в силу внешних обстоятельств «пройти мимо себя». Классический пример – Афинское государство в период Пелопоннесской войны. Общество, готовое к высшим культурным деяниям, побросав земледелие, строительство, торговлю, мореходство, мирную политику, искусство, науки, религию, спорт, семейную жизнь, втянулось в братоубийственную войну. И в результате пик расцвета Афинского государства оказался навсегда позади.

Из этих примеров видно, что потенциальная истинность социальных явлений автоматически не гарантирует абсолютно совершенной действительности. Она только указывает, каким будет это явление в той или иной исторической внешней среде.

Истинная демократия в окружении воюющих государств, оставаясь истинной демократией, приобретает жесткие формы централизованного правления. Когда мы говорим об истинности политической жизни того или иного общества, мы говорим о собственной ее структуре, абстрагируясь от внешних обстоятельств и условий. А тем самым, абстрагируясь и от конкретных форм проявления и существования истинного объекта, говорим о том варианте, когда объект существует по принципу «что и как должно» по своей собственной природе и сущности.

Юридическая модель политической жизни так же, как и другие модели, есть гносеологическая абстракция, отражающая какую-то одну отдельную сторону действительной политической жизни.

Конкретное, в смысле полное, определение истинности политической жизни не может быть дано без привязки к тем религиозным, природным, социальным, психологическим, юридическим и другим условиям среды, где эта жизнь осуществляется, то есть без учета особенностей всех моделей политической жизни. В этом, на наш взгляд, и состоит истинный реализм в трактовке истинности политической жизни.

Если кратко обобщить рассмотренные модели политической жизни, то можно выделить несколько основных постулатов ее анализа:

- центром политической жизни, ее основным ядром служит государство;

- политическая жизнь, как и жизнь отдельных людей, пронизана разумной духовностью;
- политическая жизнь имеет свои природные, социальные и духовные детерминанты, свои принципы, законы и категории;
- политическая жизнь системно организована;
- политическая жизнь имеет своего субъекта (индивидуального или коллективного);
- политическая жизнь доступна познанию.

Истинность политической жизни рефлексивна. Но какие бы аспекты политической жизни мы ни рассматривали, главным моментом всегда остается проблема взаимодействия людей с политическими институтами общества, вопросы о том, как ведут себя отдельные люди и большие массы людей в политической среде, вопросы о том, как управляют поведением людей в политической сфере. Не впадая в крайний экономический детерминизм, мы солидарны с позицией марксизма о том, что политическая жизнь общества зависит прежде всего от экономических факторов. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹⁰. Материальные условия жизни общества в конечном счете всегда обуславливают общие особенности политической жизни. Но это утверждение вовсе не означает, что конкретная истинность политической жизни определяется через соответствие ее экономической жизни. Дело обстоит несколько иначе.

Истинность политической жизни определяется через соответствие ее существования ее же собственной сущности, тому, что «есть не иное, чем то, что в ней»¹¹. Точно так же истинность эко-

¹⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 13. – С. 6–7.

¹¹ Ансельм Кентерберийский. Об истине. – С. 178.

номической жизни определяется через соответствие ее существования ее сущности. Истинность экономики общества влияет на истинность политики, но не определяет ее. Например, уровень развития материальной жизни обусловил переход Рима от республиканских форм политической жизни к империи (монархической). Уровень экономики тогдашнего Рима был низким. Сущность экономики – получать максимальный материальный результат при оптимальных (или даже минимальных) затратах, результат, который обеспечивал бы материальными средствами существования население, реализуя его естественные жизненные потребности и права. Римская экономика в последние годы до нашей эры при всей своей внешней эффективности, красочности, динамичности постоянно оказывалась в кризисной ситуации. Признаки благополучного экономического существования не соответствовали действительной эффективности экономики. Механизмы производства материальных благ явно устарели. Существование не соответствовало сущности экономики. Ложность (в вышеуказанном гегелевском смысле) такой экономики росла из года в год, неумолимо приближаясь к полной абсолютной ложности, которая, как мы выше выяснили, означает крах, смерть, разрушение, небытие. Так оно и получилось. Старый экономический уклад стал разваливаться, освобождая место исторически новому способу производства – феодальному, основанному не на рабском подчинении, а на крепостном, более прогрессивном и эффективном.

При анализе теоретических моделей политической жизни и структуры определения их истинности необходимо обратить внимание еще на один принципиальный момент – на соотношение упорядоченности и хаоса в политической жизни, на соотношение рационального и иррационального в ее познании. Хотя представления о единстве хаоса и космоса (упорядоченного) существовали с античных времен, специальную разработку этой темы применительно к общественной жизни можно отнести ко второй половине XIX в., к работам Ф. Ницше, А. Бергсона, В. Дильтея. Именно они обратили внимание на наличие огромного пласта нерациональности в политической жизни в частности и в общественной в целом. Эта идея в последующем, XX в. привлекала большое внимание. Например, итальянский политолог Вильфредо Парето делит поли-

тических деятелей на «львов», которые действуют в основном на ясном и четком учете и анализе факторов действительности, и на «лисы», которые больше полагаются на свою интуицию и хитрость, на неожиданность и непредсказуемость принимаемых решений. Еще Н. Макиавелли считал, что есть два реальных средства управления людьми: сила и хитрость (те же «львы» и «лисы»), поэтому эффективный политик должен уметь пользоваться обоими средствами. Р. Арон отмечал, что принцип логического и нелогического в политической деятельности связан с проблемой цели и средств. Если цели и средства их достижения имеют объективные корни и связи, то в сознании политика они должны быть отражены в логических формах. Если в реальной действительности цели и средства не имеют точек соприкосновения, то политик в принятии решения должен пользоваться иррациональными формами познания и мышления. Например, вопрос о спорных территориях между Россией и Японией может быть рассмотрен с первой позиции: итогов Второй мировой войны, неприкосновенности существующих границ и других аналогичных положений международного права. Тогда решение нужно искать в области юридической и дипломатической логики. Но есть и второй путь, когда эти вопросы можно решить способом «встречи без галстуков», на основе доверия и искреннего желания добрососедского сотрудничества. Средства «доверие», «дружелюбие», «соседство» и т. д. – ряд событий, которые носят явно чувственно-иррациональный характер.

В связи с этим возникает еще один момент в понимании истинности политической жизни. При определении истинности того или иного конкретного политического действия, решения, события, при рассмотрении соотношения существования политической жизни и сущности необходимо учитывать как рационально познаваемые основания (упорядоченные, системные), так и иррациональные (скажем, интуитивные, принимаемые на веру, может, даже сверхчувственные, то есть так называемые экстрасенсорные). Жизнь отдельного человека, социальных групп, общества, всего человечества содержит много упорядоченного, доступного рациональному, в том числе и научному, познанию. Но в жизни много и неупорядоченного, хаотичного, порой даже прямо абсурдного (например, знание, что пьянство – зло, ведущее к деградации, подрывающее

здоровье, сокращающее жизнь, не отвращает людей от этого социального порока). В. С. Хазиев пишет: «В бытии много чего есть такого, что системно, упорядоченно и осуществляется по определенным законам и что можно выразить в логике научных понятий. Это так, и мало кто с этим спорит. Но в бытии не меньше и хаотичного, бессистемного, абсурдного, чувственного, подсознательного, что науке совершенно недоступно. Здесь она бессильна»¹².

Хотя категория «истина» входит в рациональную философию, в том аспекте, где речь идет об объективной и субъективной реальности, она сталкивается с хаосом. В гносеологии есть специальный термин для обозначения нарушения правил логики – «абсурд». Как пишет Б. Ф. Поршнев, «обычно считается, что абсурд – это невыполнение правил логики; но ведь справедлива и инверсия, то есть определение логики как невыполнение правил абсурда»¹³. Тогда «абсурд» будет пониматься не как полная бессмыслица, а как категория, отражающая определенный порядок, пусть даже диаметрально противоположный логическому. «Абсурд» будет категорией хаотичной части действительности, а «логика» – упорядоченной. Абсурд является абсолютно бессмысленным с позиции логики, системы, упорядоченности. Но это вовсе не означает его бесполезности и отсутствия в нашей жизни. Иногда абсурдное оказывается более полезным и практичным, чем логически упорядоченное, системное и понимаемое. Мало ли в нашей жизни такого, что остается за пределами сознания и мышления, а то и заведомо непонятного, бессознательного, подсознательного, интуитивного – всего, что не укладывается в рамки логических формул и схем, что невозможно передать через однозначные рассуждения.

К этой позиции близки и взгляды З. Фрейда и его сторонников, которые обращали внимание на роль бессознательного в детерминации политических решений и действий. В свете идей Фрейда политическое поведение как отдельных деятелей, так и масс рассматривается как результат бессознательных влечений, формирующихся в подсознании человека под воздействием детских впечатлений, семейных отношений и связей. Фрейдисты считают, что подавлен-

¹² Хазиев, В. С. Из мышления о педагогике. – Уфа, 1998. – С. 4.

¹³ Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории. – М., 1974. – С. 110.

ные культурной средой влечения человека перемещаются (сублимируются) на публичный объект, в частности в область властных отношений. Видимо, идея учета подсознательных элементов при определении истинности продуктивна. Но абсолютизация бессознательных мотиваций как единственных источников энергии политической деятельности, видимо, односторонняя и недостаточная.

Включение в дефиницию истинности не только структурно упорядоченных моментов, но и хаотичных, снова выводит нас на тему «целое и сумма его частей». Полнота определения истины требует, чтобы все элементы существования (и упорядоченные, и хаотичные) соответствовали всем элементам сущности (и упорядоченным, и хаотичным), если таковые имеются. Конкретность истины требует как раз всесторонности и полноты учета всех элементов в сумме и в целом.

В политической жизни, как и во всем, есть и упорядоченные моменты, и хаотичные; есть сферы, познаваемые рационально и познаваемые интуитивно, а то используемые вообще без размышления. Полнота знаний требует учета всех сторон и аспектов бытия.